

ИОСИФ ФЛАВИЙ

ИУДЕЙСКАЯ ВОЙНА

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

Предисловие автора

1) Иудейская война с римлянами, превосходящая не только нами пережитые, но почти все известные в истории войны между государствами и государствами и между народами и народами, до сих пор описана была в духе софистов и такими людьми, из которых одни, не будучи сами свидетелями событий, пользовались неточными, противоречивыми слухами, другие же, хотя и были очевидцами, искажали факты либо из лести к римлянам, либо из ненависти к евреям, вследствие чего их сочинения заключают в себе то порицание, то похвалу, но отнюдь не действительную и точную историю. А потому я, Иосиф, сын Маттафии, еврей из Иерусалима и из священнического рода, сам воевавший сначала против римлян и служивший невольным свидетелем всех позднейших событий, принял решение дать народам римского государства на греческом языке такое же описание войны, какое я раньше составил для варваров внутренней Азии на нашем родном языке.

2) Римское государство изнемогало от внутренних неурядиц, когда началось это, как уже было замечено, в высшей степени знаменательное движение. Иудеи же, стремясь тогда к созданию нового положения вещей, воспользовались тогдашними беспорядками для восстания; они были так богаты боевыми силами и денежными средствами, что надеялись даже

завладеть частью Востока, которую те вследствие многочисленных смут считали для себя чуть ли не потерянной. Иудеев, кроме того, окрыляла надежда, что их соплеменники из-за Евфрата примкнут массами к их восстанию; римляне же, напротив, были заняты усмирением соседних галлов, да и кельты заставляли беспокоиться. Наконец, после смерти Нерона все пришло в волнение; многие, пользуясь благоприятным случаем, пытались завладеть престолом; войско в то же время в надежде на добычу жаждало перемены в правлении. Я считаю недостойным умолчать о таких важных событиях — тем более в то время, когда парфяне, вавилоняне, отдаленные арады, наши соплеменники по ту сторону Евфрата и адиавины благодаря моим трудам подробно ознакомились с причинами, многочисленными превратностями и конечным исходом той войны — и оставить в неведении тех из греков и римлян, которые в войне не участвовали, предоставив им довольствоваться чтением лицемерных и лживых описаний.

3) Писатели берут на себя смелость называть эти описания историей, хотя последние, кроме того, не только не дают ничего здравого для ума, но и, на мой взгляд, не достигают даже своей цели. Желая рельефнее выставить величие римлян, они стараются на каждом шагу унижить и умалить иудеев; и они даже не спрашивают себя: каким образом победители ничтожных противников могут казаться великими? С другой стороны, они не принимают во внимание ни долгой продолжительности войны, ни многочисленных потерь римского войска, ни, наконец, величия полководцев, которые, по моему мнению, теряют свою славу, если завоевание Иерусалима, доставшееся им в поте лица, не было во все таким особенным геройским подвигом.

4) Мое намерение, однако, ни в коем случае не состоит в том, чтобы, в противоположность тем, кто пре-

возносит римлян, преувеличить деяния моих соотечественников; нет, я хочу в точности рассказать обо всем, что действительно происходило в обоих лагерях. Вспоминая о происшедшем и давая скорбное выражение чувствам, возбуждаемым во мне бедствиями, постигшими мою отчизну, я этим удовлетворяю только внутренней потребности моей наболевшей души. Что именно только внутренние раздоры ввергли отечество в несчастье; что иудейские тираны сами заставили римлян против собственной воли дотронуться руками до священного храма и бросить в него головню — этому свидетель разрушитель его, император Тит, который во все время войны обнаруживал жалость к народу, подстрекаемому бунтовщиками, несколько раз откладывал наступление на город и нарочно продлил осаду, дабы дать виновникам время одуматься. Если кто-либо захочет упрекнуть меня в том, что я выступаю в тон обвинителя против тиранов и их разбойничьей шайки или что я изливаю свое горе над несчастьем моей отчизны, то да простит он мне это отступление от законов историографии, являющееся следствием моего душевного настроения; ибо из всех городов, покоренных римлянами, ни один не достиг такой высокой степени благосостояния, как наш город, но не один также не упал так глубоко в бездну несчастья; да никакое несчастье от начала мира, кажется мне, не может быть сравнимо с тем, которое постигло иудеев; и виновником его не был никто из чужеземцев. Как же после этого возможно подавить мои вопли и сетования! Если же найдется такой суровый критик, в сердце которого не зашевелится ни малейшего чувства сожаления, то пусть он факты отнесет к истории, а жалобные вздохи — на счет автора.

5) Скорее, однако, я бы мог предпослать укор эллинским историкам. Они, ввиду таких важных, лично пережитых событий, рядом с которыми войны преж-

них времен должны казаться весьма незначительными, не перестают все-таки высказывать свои суждения об этих последних, перетолковывая на всякие лады прежних писателей, которых хотя и превосходят красноречием, но никак не достигают по серьезности задачи.

Так, например, они пишут историю ассириян или мидян, как будто она древними историками еще недостаточно изложена: а между тем как уступают они последним и в силе изложения, и по отношению к цели, ими руководившей.

Каждый из этих последних старался описывать события, происходившие как бы перед глазами, когда современность автора с описанными им фактами могла служить гарантией достоверности изложения, а ложные сообщения могли быть всенародно опровергнуты очевидцами.

Спасти от забвения то, что еще никем не рассказано, и сделать достоянием потомства события собственных времен — вот что похвально и достоуважно; нельзя, однако, называть истым тружеником того, кто изменяет план и порядок чужого труда; а того, кто, воспроизводя новое, дотоле неизвестное, самостоятельно воздвигает памятник исторический. Я, хотя чужестранец, не щадил никаких трудов и затрат, чтобы быть в состоянии предложить эллинам, а также варварам историю совершившихся событий; между тем как чистокровные эллины там, где дело касается наживы или какого-нибудь судебного процесса, сейчас делаются удивительно разговорчивыми и развязными, но, лишь только потребуется от них написать историю, где приходится сказать правду и с большим трудом собрать фактические данные, — уста их вдруг замыкаются и они предоставляют это делать другим, менее способным и незнакомым с делами полководцев. У нас-то высоко почитается историческая прав-

да, между тем как у эллинов к ней относятся с пре-небрежением.

6) Описать древнюю историю иудеев и рассказать, какого они происхождения, каким образом они вышли из Египта, через какие страны они прошли на пути странствования, каким образом они потом рассеялись, я считаю теперь несвоевременным и, кроме того, излишним, так как еще до меня многие иудеи написали точную историю своих предков, а некоторые эллины, переводя их сочинения на свой родной язык, дали нам об этой истории в общем довольно верное представление. Мой рассказ я хочу начать с того, на чем остановились те историки и наши пророки. Но и здесь я имею в виду более обстоятельно и со всевозможной точностью рассказать, собственно, о той войне, которую лично пережил, а событиям предшествовавшим мне времен сделать лишь сжатый и беглый обзор.

7) Таким образом, я расскажу, как Антиох, по прозванию Светлейший (Эпифан), завоевал Иерусалим и после трех лет и шести месяцев владычества был изгнан из страны сынами Асмоная; как потомки последних, разъединившись между собою из-за господства, дали повод ко вмешательству римлян и Помпея в дела страны; как затем Ирод, сын Антипатра, при помощи Созия положил конец их господству; как после смерти Ирода, в царствование Августа и при правителе страны Квинтилии Варе, восстал народ; как в 12-м году царствования Нерона началась война; что произошло при Цестии и на какие места Иудеи, при начале войны, нападали с оружием в руках.

8) После будет сообщено, как они укрепляли пограничные города; как Нерон после поражения Цестия, считая государство в опасности, поручил Веспасиану руководство над войной; как тот со своим старшим сыном вторгся в страну иудеев; как велико

было римское войско, сколько из пришедших ему на помощь союзников было перебито по всей Галилее и как он, частью силой, частью благодаря добровольной сдаче, привел под свою власть города этой области. Затем я изображу образцовый порядок у римлян во время войны и дисциплину легионов; дальше — величину и природу обеих частей Галилеи, границы Иудеи, особенности страны, ее озера и источники; наконец, судьбу каждого покоренного города в отдельности — все это я тщательно изображу так, как я это знаю из собственных наблюдений или сообщенных сведений. Даже о собственных своих приключениях я не умолчу, имея в виду, что обращаюсь своим рассказом к таким лицам, которые знакомы с обстоятельствами дела.

9) Дальше следует рассказ о том, как в то время, когда положение иудеев сделалось уже критическим, умер Нерон, а Веспасиана, выступившего было тогда против Иерусалима, отвлекло от поля военных действий полученное им царское достоинство; о предзнаменованиях, предвещавших ему это; о переменах, происшедших в Риме, и о том, как Веспасиан, при всем своем сопротивлении, был провозглашен солдатами императором; как тогда, после его отъезда в Египет, где он хотел привести в порядок государственные дела, начались раздоры между иудеями, возвысились над ними тираны и как последние взаимно враждовали между собою.

10) Затем я расскажу, как вернулся Тит из Египта и вновь напал на страну; каким путем, где и в каком количестве он собрал свое войско; какие внутренние распри господствовали в городе, когда Тит к нему подступил; сколько раз он штурмовал его, сколько валов он соорудил. Дальше я опишу объем и величину трех иерусалимских стен, сильные укрепления города, план святилища и храма, размер строений и алта-

ря — все с величайшей точностью; а также некоторые праздничные обычаи, семь очищений и богослужение коганов; кроме того, я опишу еще облачения последних и первосвященника, внутреннее устройство святая святых в храме, ничего не скрывая и ничего не прибавляя к тому, что лично изучал.

11) Вслед за этим я расскажу, как жестоко обращались тираны со своими же соотечественниками; с другой же стороны — как снисходительны были к чужеземцам римляне и как часто Тит, желавший спасти город и храм, вызывал бунтовщиков на миролюбивое соглашение; также я последовательно изложу все те бедствия и страдания, которые до окончательного покорения города переносил народ от войны, внутренних сумятиц и голода. При этом я не умолчу ни о несчастной судьбе перебежчиков, ни о казни пленников, и дальше сообщу, как храм, против воли и желания императора, сделался добычей пламени; какие из храмовых сокровищ были спасены от огня; об окончательном покорении города и о предшествовавших ему знамениях и чудесах; после следует описание пленения тиранов, количества проданных в рабство людей, их различных судеб, как после всего этого римляне подавили последние остатки вооруженного сопротивления в стране и разрушили все укрепления; и, наконец, как Тит, объехав всю страну и умиротворив ее, возвратился в Италию и отпраздновал свою победу.

12) Все это, избегая основательного повода к порицаниям и обвинениям со стороны лиц, фактически знакомых с делом и бывших очевидцами войны, я описал в семи книгах для ищущих правды, а не только одного развлечения. Итак, начну свой рассказ, предпосылая каждой главе указание ее содержания.

ПЕРВАЯ КНИГА

Глава первая (И. Д. XII; 4–11^[1])

*Взятие Иерусалима Антиохом Эпифаном. О Маккавеях:
Маттафии и Иегуде.*

1) Во время войны Антиоха, прозванного Светлейшим (Эпифаном), с Птоломеем VI за обладание Келе-сирией возникли распри между иудейскими начальниками: спорили же они о власти, так как ни один из них не хотел подчиниться другому, равному себе по рангу. Ония, один из первосвященников, одержав верх, выгнал из города сыновей Товии, которые тогда отправились к Антиоху и просили его напасть на Иудею, предложив ему свои услуги в качестве военачальников. Царь, давно уже жаждавший овладеть стра-ною, поспешил дать свое согласие. Став сам во главе могущественной армии, он вторгнулся в Иудею, взял Иерусалим приступом (239 до разрушения второго хра-ма)^[2], убил множество приверженцев Птолемея, предо-ставил солдатам беспрепятственно грабить, самолично ограбил храм и остановил обычные ежедневные жерт-воприношения на три года и шесть месяцев^[3]. Перво-священник Ония спасся, однако, бегством к Птоло-мею, с изволения которого он в гелиопольском округе выстроил городок, похожий на Иерусалим, и в этом го-родке — храм наподобие Иерусалимского. К этому со-бытию мы еще вернемся в своем месте (VII, 10, 2).

2) Антиох, однако, не довольствовался ни нео-жиданным покорением города, ни грабежом, ни ве-

ликой резней; обуреваемый своими необузданными страстями и воспоминанием о трудностях Иерусалимской осады, он принуждал иудеев, вопреки их отечественным законам, оставлять детей необрезанными и приносить на алтарь в жертву свиней. Никто не повиновался этому приказу; знатнейшие были казнены. Наконец, Вакхид^[4], принявший от Антиоха начальство над гарнизоном, присоединил к безбожным распоряжениям царя еще и собственную природную свирепость; он перешел всякую меру беззакония: самые видные граждане одни за другими были замучены в пытках, и глазам всего народа ежедневно представлялась картина покорения Иерусалима. Своими неслыханными жестокостями Вакхид наконец довел угнетенный народ до восстания^[5].

3) Началось оно с того, что Маттафия, сын Асмона, один из коганов селения Модина, вооружился сам, а также вооружил пять своих сыновей и кинжалом заколол Вакхида^[6]. В первое мгновение он, из боязни пред многочисленным гарнизоном, бежал в горы; но когда к нему присоединилось много народа, он воспрянул духом, спустился вниз, победил в решительном сражении военачальников Антиоха и изгнал их из пределов Иудеи. Боевые успехи доставили ему власть. Как освободитель отчизны от чужеземного ига, он всенародно избран был главою, после чего умер (236 до раз. хр.), оставив власть своему старшему сыну, Иегуде.

4) Зная, что Антиох не вынесет переворота спокойно, Иегуда набрал войско из своих соплеменников, заключил (первый, кто это сделал) союз с римлянами^[7] и при вторичном вторжении Эпифана отбил его назад со значительным уроном. Одушевленный новой победой, Иегуда бросился на находившийся в городе гарнизон (последний все еще не был уничтожен)^[8], выгнал солдат из верхнего города в нижний, называемый

Акрой^[9], овладел храмом, очистил весь двор, окружил его стеною, заменил прежнюю оскверненную утварь новой, воздвигнул новый алтарь и, по окончании всех этих работ, возобновил в храме порядок жертвоприношений^[10]. Едва только город принял прежний вид, как Антиох умер^[11]. Его престол и ненависть к иудеям унаследовал сын его, Антиох^[12].

5) Этот набрал войско (235 до раз. хр.), состоявшее из 50 000 чел. пехоты, около 5000 всадников и 80 слонов^[13], и, проникнув через Иудею в гористую область, покорил здесь маленький городок Ветсуру^[14] и при ущелье Ветзахарии^[15] столкнулся лицом к лицу с полчищами Иегуды. Прежде чем войска подступили друг к другу, брат его, Элеазар, отыскал глазами в лагере неприятеля самого высокого слона с огромной башней, украшенной позолоченным щитом. Предполагая, что на этом слоне сидит Антиох, Элеазар ускакал вперед, врубился в ряды неприятеля и налетел на наметченного слона. Но седок, которого он принял за царя, сидел слишком высоко — он только мог ранить животное, которое упало и тяжестью своего тучного тела задушило его. Не совершив никаких других великих подвигов, он, однако, заслужил вечную славу. Впрочем, вожак слона был простой воин; да если он случайно и был бы Антиохом, то отважный юноша тоже, кажется, ничего другого своим подвигом достичь не мог бы, кроме смерти героя. Для Иегуды этот печальный эпизод служил дурным предзнаменованием. И действительно, иудеи хотя долго и упорно отстаивали поле битвы, но царские войска, превосходившие их своей численностью и покровительствуемые счастьем, одержали победу. С остатками своей разбитой армии Иегуда бежал в Гофну^[16], а Антиох двинулся к Иерусалиму. Недостаток в продовольствии принудил его, однако, после кратковременной стоянки в городе, возвратиться в обратный путь; оставив на

месте гарнизон, казавшийся ему достаточно сильным, он остальную часть армии повел в Сирию на зимние квартиры^[17].

б) По удалении царя Иегуда не остался праздным. Рассеявшиеся в последней битве солдаты к нему снова вернулись, а вместе с ними нахлынули свежие народные массы. С этими обновленными силами он при деревне Адасе^[18] дал военачальникам Антиоха новую битву, в которой, геройски сражаясь и истребив массу неприятелей, сам пал в бою (231 до раз. хр.)^[19]. Вскоре после этого погиб и его брат Иоханан, сделавшись жертвой измены со стороны приверженцев Антиоха.

Глава вторая **(И. Д. XIII 1–10)**

Преемники Иегуды: Ионатан, Симон и Иоханан Гиркан.

1) Преемником Иегуды сделался его брат, Ионатан (230–213 до раз. хр.). Всегда предусмотрительный к интересам своего народа, он укрепил свое правление союзом с римлянами и, кроме того, заключил мир с юным Антиохом. Все это, однако, не доставило ему личной безопасности. Тиран Трифон, регент молодого Антиоха, желая завлечь его в засаду, старался прежде всего устранить всех друзей его. Удобный случай представился в Птолемаиде, куда Ионатан в сопровождении незначительной свиты прибыл погостить у Антиоха. Трифон схватил его тогда хитростью, заковал в кандалы и выступил войной против иудеев; но, встретив сильный отпор в лице Симона, брата Ионатана, и потерпев поражение, Трифон умертвил пленника^[20].

2) Симон правил (212–205 до раз. хр.) счастливо^[21]; он покорил пограничные города: Газару, Иоппию, Иамнию^[22] — и срыл до основания замок Акру,

овладев предварительно находившимся в ней гарнизоном^[23]. Впоследствии он подал помощь Антиоху^[24] против Трифона, которого тот перед своим походом в Мидию осаждал в Доре^[25]. Но этой помощью, способствовавшей гибели Трифона, он все-таки не мог утолить жадность царя. Последний сейчас же по окончании осады послал своего полководца, Кендебая, во главе войска для разгромления Иудеи и подчинения Симона. Состарившийся уже Симон вел эту войну со всем пылом и отвагой юноши: своих сыновей он послал с отборным войском по одному направлению, а сам, предводительствуя другой частью войска, выступил против неприятеля по другому пути. Оставляя во многих местах, а также в горах сильные засады, он занял все проходы. Одержав, наконец, блистательную победу, Симон был избран первосвященником (211 до раз. хр.), и таким образом Иудея освободилась от ста семидесятилетнего македонского владычества.

3) И Симон пал (205 до раз. хр.) жертвой измены и насилия, совершенного над ним во время пира его же собственным зятем, Птоломеем. Одновременно с убийством тестя Птоломей заключил в темницу его жену и двух сыновей^[26] и послал палачей для умерщвления еще третьего сына, Иоханана, прозванного Гирканом. Но юноша был предупрежден о грозящей ему опасности и поспешил в Иерусалим, в полной уверенности, что народ, из благодарности к подвигам его отца, с презрением отшатнется от преступного Птолемея. С другой стороны — чрез другие ворота — пытался проникнуть в город также и Птоломей; но народ, успев уже принять Гиркана, оттолкнул его от себя. Последний немедленно отступил к Дагону — одной из тех крепостей, которые возвышаются над Иерихоном; Гиркан же, возведенный в сан первосвященника (205 до раз. хр.), совершил жертвоприношение и спешил догнать Птолемея с целью освободить из его рук свою мать и братьев.

4) При наступлении на крепость, хотя Гиркан был сильнее осажденного, но сердечная боль делала его слабее; каждый раз, как Птоломей видел себя в опасности, он приказывал выводить на стену мать и братьев Гиркана и бичевать их на его глазах, грозя при этом сбросить их со стены, если он тотчас же не отступит. При виде этого Гирканом овладевал не столько гнев, сколько жалость и страх. Тщетно мать, хладнокровно вынося удары и не робея пред угрожающей смертью, простирала руки к сыну, умоляя его не щадить злодея из жалости к ее пыткам; тщетно она уверяла сына, что она предпочтет жизни смерть из рук Птолемея, если только последний понесет заслуженную кару за преступления, совершенные им против их дома; каждый раз, когда Гиркан, изумляясь твердости своей матери, слышал ее мольбы, он с неудержимой яростью возобновлял атаку; но, как только на стене начиналась ужасная сцена истязания старухи, его сердце охватывали боязнь и жалость, он делался мягким и чувствовал невыносимую боль. Так осада затянулась и продлилась до наступления субботнего года, который празднуется иудеями чрез каждые семь лет, точно так же как суббота в седьмой день недели. Освобожденный вследствие этого от осады, Птоломей умертвил братьев Иоханана вместе с его матерью и бежал к филадельфийскому тирану Зенону, прозванному Котилой.

5) Между тем Антиох, все еще пылавший гневом за неудачи, испытанные им в борьбе с Симоном, проникнул опять во главе войска в Иудею и осадил Гиркана в Иерусалиме. Тогда Гиркан открыл склеп Давида, бывшего самым богатым царем, взял оттуда 3000 талантов и подарком в 300 талантов склонил Антиоха снять осаду и удалиться; остальную сумму он употребил на содержание чужеземных наемных войск. Он был первым иудеем, который это сделал.